

«ЧЕРНОСОТЕНЦЫ» Е. Ф. КАРСКИЙ И НИКОЛЬСКИЙ (над страницами автобиографии Бронислава Тарашкевича)

О. И. МАЛЮГИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются причины, по которым «черносотенцы» Е. Ф. Карский и Никольский, упоминаемые в автобиографии Б. Тарашкевича, отнесены автором к крайне правому крылу политического спектра. Обосновывается вывод о том, что данная характеристика отражает скорее господствовавшие в те годы способы навешивания политических ярлыков, чем характеристику реальных политических взглядов преподавателей Минского учительского института Е. Ф. Карского и А. М. Никольского.

Ключевые слова: Б. Тарашкевич; Е. Ф. Карский; Н. М. Никольский; А. М. Никольский; национально-культурное строительство; БССР.

«BLACK-HUNDREDISTS» Y. F. KARSKY AND NIKOLSKY (ABOVE THE PAGES OF BRONISLAW TARASHKEVICH'S AUTOBIOGRAPHY)

O. I. MALIUGIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

There is a mention of the «Black hundredists» E. F. Karsky and Nikolsky in B. Tarashkevich's autobiography. The article examines the reasons why they were attributed by B. Tarashkevich to the extremely right wing of the political spectrum. The conclusion is drawn that this characteristic reflects the methods of hanging political labels prevailing in those years than the description of the real political views of the lecturers of the Minsk Teacher's Institute – Y. F. Karsky and A. M. Nikolsky.

Key words: B. Tarashkevich; Y. F. Karsky; N. M. Nikolsky; A. M. Nikolsky; national development.

Введение

Бронислав Тарашкевич является одной из наиболее ярких и в то же время трагичных фигур белорусского национального движения в межвоенные годы. Жизни и творчеству ученого и политического деятеля посвящен ряд исследований [1; 2], в которых рассматривается его вклад в развитие Беларуси.

Значительным событием в современной белорусистике стало издание в 1999 г. автобиографии

Бронислава Тарашкевича. Книга была написана в 1933 г. и сохранилась в архиве КГБ Беларуси [3], в ней даются характеристики многим деятелям белорусского национального движения, государственным и партийным деятелям БССР и Польши с конца 1910-х гг. по 1920-е гг.

Многие характеристики, данные в автобиографии, весьма спорны и тенденциозны, в них прослеживаются штампы, типичные для документов

Образец цитирования:

Малюгин О. И. «Черносотенцы» Е. Ф. Карский и Никольский (над страницами автобиографии Бронислава Тарашкевича) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 23–27.

For citation:

Maliugin O. I. «Black-hundredists» E. F. Karsky and Nikolsky (above the pages of Bronislaw Tarashkevich's autobiography). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 23–27 (in Russ.).

Автор:

Олег Иванович Малюгин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Oleg I. Maliugin, PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history, faculty of history.
maliugin@mail.ru

1930-х гг. В качестве примера рассмотрим одно из таких высказываний Б. Тарашкевича – слова о Е. Ф. Карском и Никольском: «Своей работой

в Минском институте, где постоянно приходилось грызться с такими черносотенцами, как Карский, Никольский и Ко, я был недоволен...» [3, с. 28].

Основная часть

Речь в автобиографии идет о 1918–1920 гг., когда после пребывания в эвакуации в Ярославле Минский учительский (с 1919 г. – педагогический, сейчас – Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка) институт вернулся в Беларусь. В числе преподавателей института был и Б. Тарашкевич, он читал курс белорусского языка и заведовал библиотекой.

Процитированный выше отрывок вызвал недоумение у издателей автобиографии. В предисловии замечено: «Яшчэ нам не зусім зразумела, на якіх падставах Б. Тарашкевіч назваў Я. Ф. Карскага і М. М. Нікольскага чарнасоценцамі...» [3, с. 11]. Не меньшее недоумение, надо думать, этот вопрос вызывает и у читателей автобиографии Б. Тарашкевича.

С формальной точки зрения Е. Ф. Карский – знаменитый ученый и преподаватель – никогда не состоял в организации черносотенцев [4, с. 149]. М. Г. Булахов в монографии «Евфимий Федорович Карский: жизнь, научная и общественная деятельность», которая была издана в 1981 г., ничего не говорит о черносотенстве Е. Ф. Карского [5]. Также и А. П. Цихун в очерке жизни и деятельности академика обходит стороной вопрос о преследованиях в советское время Е. Ф. Карского, сосредотачивая внимание на дореволюционной деятельности последнего [6]. Однако стоит учитывать, что взгляды ученого были определенно правыми, он пользовался поддержкой властей в Российской империи и неоднократно награждался орденами и медалями; за эти рамки академик не выходил. В результате возникает вопрос: на основании чего у Б. Тарашкевича возникла характеристика Е. Ф. Карского как черносотенца? Насколько можно судить, в тексте автобиографии автор часто следует веяниям партийной пропаганды того времени, а в документах 1920-х гг. мы находим такое же именование Е. Ф. Карского, что и в автобиографии Б. Тарашкевича.

Вопрос о правых взглядах Е. Ф. Карского поднимался уже в момент назначения первого ректора Белорусского государственного университета (БГУ) в 1921 г. Национальные круги Беларуси хотели видеть на этом посту именно Е. Ф. Карского, много времени посвятившего работе в организационных комиссиях по созданию университета. Против этого выступили представители партийных органов, для которых историк был «палітычна непажаданым за ягоныя былыя правыя погляды» [4, с. 147, 149]. Впрочем, в воспоминаниях Е. Кипеля причиной недовольства большевиков кандидатурой Е. Ф. Карского называется следующее: «Супроць кандыдату-

ры Карскага выступілі расейскія камуністы і наагул расейская інтэлігенцыя. Яны лічылі, што Карскі нарабіў многа шкоды Расеі, бо яго працы аб беларусах узварушылі беларусаў і зрабілі іх небажальнымі для Расеі. І таму расейскія камуністы наважылі на тым, каб акадэмік Карскі зусім ня быў дапушчаны ў Менск – ні ва ўнівэрсытэт, ні ў Акадэмію» [7, с. 58]. Сам Е. Ф. Карский виновниками неудачи в деле ректорства считал представителей национального белорусского движения. Последние видели в академике человека «общерусской» идеологии, «западноруса» [4, с. 149–150]. Каковы бы ни были причины, по которым кандидатура Е. Ф. Карского не устроила партийное и государственное руководство, ректором БГУ был назначен В. И. Пичета.

В дальнейшем отношение в БССР к Е. Ф. Карскому оставалось, мягко говоря, сдержанным. В данном контексте необходимо упомянуть ситуацию, сложившуюся в республике во время подготовки и проведения Академической конференции 1926 г. Приглашения были разосланы многим видным представителям советской науки, в том числе и Е. Ф. Карскому, который в то время жил и работал в Ленинграде. Однако большинство приглашенных (в том числе и Е. Ф. Карский) от приезда в Минск отказались. Вполне вероятно, что ученые, зная о непростой ситуации в белорусском языковедении, решили не испытывать судьбу и не подвергаться возможным нападениям со стороны партийных деятелей БССР и местных ученых [8, с. 149]. То, что это были не просто надуманные опасения, хорошо видно из слов Д. Ф. Жилуновича о наличии «чарнарызніцкай падкладкі, на якой выходзіўся Карскі і дзякуючы якой дасягнуў і акадэмічнаства», а также из высказываний И. Дыло о «черносотенстве» Карского в белорусской печати того времени [9, с. 65].

Во время известной истории с командировкой Е. Ф. Карского в славянские страны подобными обвинениями в адрес академика разразился и Михаил Кольцов в колонке газеты «Правда»: «Присутствовать в Белграде на торжестве черносотенцев <...> все это вполне последовательно, если не для советского научного работника, то для бывшего верноподданного ректора императорского Варшавского университета»¹. Важно отметить тот факт, что аргументированный ответ Е. Ф. Карского на эти обвинения опубликован не был. Обличительная статья стала итогом обсуждения отчета Е. Ф. Карского на закрытом заседании Бюро ЦК КП(б)Б от 13 апреля 1927 г., где было сказано: «1. Поручить

¹ Кольцов М. И академик, и герой // Правда. 1927. 13 мая.

тов. Игнатовскому, Адамовичу и Криницкому поставить вопрос по советской и партийной линии об изъятии КАРСКОГО из состава членов Академии наук. 2. Просить ЦК ВКП(б) поручить соответствующим органам *организовать критику*¹ по отчету академика КАРСКОГО о поездке за границу².

Критика в сторону взглядов и трудов академика не прекратилась и после его смерти. В 207-м номере газеты «Звезда» за 1931 г. С. Я. Вольфсон раскритиковал некролог Е. Ф. Карского, написанный академиком Н. С. Державиным. В особую вину автору некролога было поставлено то, что он «бацьчы адзіны недахоп яго (Е. Ф. Карского. – О. М.) работ <...> у тым, што яны зьяўляюцца фармалістычнымі». После чего читателям газеты напомнили о «великодержавном подходе» Е. Ф. Карского к белорусскому языку и о его «блокировке»³ с черносотенным организатором Союза белорусской демократии Каранкевичем в 1917 г., когда Е. Ф. Карский выступил против введения белорусского языка в качестве языка преподавания в средней и высшей школах⁴.

Стоит отметить, что во всех выступлениях и статьях самого академика открыто не называли «черносотенцем», а лишь обвиняли в «тяготении» или «блокировании» с черносотенцами.

Таким образом, можно предположить, что определение Б. Тарашкевичем Е. Ф. Карского как «черносотенца» прямо вытекает из господствовавших в среде белорусских партийных и государственных деятелей взглядов на деятельность академика.

Сложнее обстоит дело с «черносотенцем» Никольским. В автобиографии Б. Тарашкевич не называет инициалы Никольского, но контекст подразумевает, что автор сталкивался с ним во время работы в Минске (до отъезда в Вильно в 1920 г. при приближении к городу советских войск). Издатели текста автобиографии Б. Тарашкевича отождествили указанного Никольского с известным белорусским востоковедом Николаем Михайловичем Никольским [3, с. 28, прим. 81].

Стоит отметить, что Н. М. Никольский в 1918–1921 гг. преподавал в Смоленском университете и в Минске не бывал. Преподавание востоковеда в БГУ началось лишь осенью 1921 г., на постоянное место жительства в столицу БССР он переехал только летом 1922 г. В это время Б. Тарашкевич жил и работал в Вильно и в Беларусь не возвращался.

Насколько можно судить, позднее (в конце 1920-х гг. или в первой половине 1930-х гг.) пути Б. Тарашкевича и Н. М. Никольского не пересекались.

Можно предложить два возможных объяснения такой характеристики Никольского в тексте Б. Тарашкевича. Во-первых, указанное имя было включено в текст автобиографии по указанию контролирующего органа (автобиография была написана по «просьбе» ОГПУ), но никаких подтверждений этой версии нет. В документах начала 1930-х гг., хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ), фамилия Н. М. Никольского, в отличие от его коллег (В. Н. Перцева, К. И. Керножицкого и многих других), не обозначалась как «антисоветский элемент» или «троцкистско-бундовский элемент». Единственный момент, на который можно обратить внимание в данном контексте, – это упорное нежелание Н. М. Никольского во второй половине 1920-х гг. и самом начале 1930-х гг. переходить в преподавании на белорусский язык. Это нежелание не прошло без внимания партийных органов. На заседании бюро Октябрьского райкома КП(б)Б 1 января 1931 г. рассматривался вопрос «Белорусский нацдемократизм и его конкретные проявления на Педфаке». В документе среди прочего шла речь о выступлениях со стороны преподавателей против процесса белорусизации: «Канкрэтнае вырашэньне справы беларусізацыі ў умовах Пэдфаку выяўляла ва ўсёй нагаце праявы вялікадзяржаўнага шовінізму...». Одним из таких проявлений указывалось «Яўнае (Сарахцін) і скрытае нежаданьне аўладаць беларускай мовай (Прылежаеў, Сіроцін, Нікольскі, Перцаў)»⁵. Тем не менее таких упоминаний в партийных документах, чаще всего косвенных, недостаточно, чтобы связывать с ними столь резкую характеристику Н. М. Никольского в автобиографии Б. Тарашкевича.

Второе объяснение заключается в том, что Б. Тарашкевич имел в виду другого Никольского и комментаторы допустили ошибку, отождествив его с Николаем Михайловичем. Эта версия представляется гораздо более правдоподобной, поскольку в документах, связанных с деятельностью Минского педагогического института, встречается фамилия Александра Михайловича Никольского⁶, который являлся преподавателем института и входил в состав его Совета и разнообразных комиссий.

В фондах НАРБ сохранились некоторые документы, связанные с работой А. М. Никольского в БГУ и позволяющие слегка пролить свет на эту личность. Во-первых, это анкета, заполненная в 1930 г., когда филолог преподавал на рабочем факультете БГУ⁷. Во-вторых, это его личное дело,

¹ Выделено нами. – О. М.

² Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3120. Л. 44.

³ Объединение в блоки (в соответствии с терминологией 1930-х гг.).

⁴ Вольфсон С. Я. Вялікадзяржаўная вылазка // Звезда. № 207. 2 жніўня 1931 г.

⁵ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5047. Л. 230.

⁶ В своей анкете от 1930 г. именуется себя «Алесь Міхасеў Нікольскі» (Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 32), в других документах обычно указаны только инициалы.

⁷ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 32–33.

состоящее, впрочем, лишь из заполненной анкеты и личной книжки, датируемое 1925 г.¹

Родился А. М. Никольский 16 марта 1885 г. в с. Селезнево Тульской губернии в семье священника. По национальности – русский (родным указал русский язык). В 1906 г. окончил среднюю школу и поступил в Московский университет². В анкете 1930 г. А. М. Никольский указывает, что с 1910 г. (после окончания историко-филологического факультета Московского университета по специальности литературоведение) он преподавал русский язык в мужской гимназии Зубакина в Минске³.

В исследованиях иногда указывается, что в учительском институте А. М. Никольский работал с 1914 г. [10, с. 24], однако сам он в документах писал, что стал преподавателем русского языка и литературы в Минском учительском институте только с 1 июля 1915 г. Работа филолога в институте продолжалась до 22 августа 1919 г., после А. М. Никольский перешел в железнодорожную школу им. Червякова (преподавал с 1 сентября 1919 по 1 сентября 1926 г.).

Общественная нагрузка А. М. Никольского в те годы была не слишком большой – он был членом методической комиссии при отделе просвещения Западной железной дороги с конца 1921 г. и членом ревизионной комиссии при железнодорожной школе в 1925 г.⁴

Параллельно А. М. Никольский преподает русский язык и литературу в двух учебных заведениях – 4-й школе второй ступени (1919–1922 гг.) и железнодорожном техникуме (1921–1925 гг.). С сентября 1925 г. филолог переходит на работу в БГУ, сначала преподавателем русского языка, а затем на должность заведующего рабочим факультетом.

Любопытно отметить тот факт, что во второй части анкеты 1930 г., где имелись вопросы о науч-

ной и общественной активности преподавателей БГУ, А. М. Никольский практически везде поставил прочерки. Вопросы касались знания иностранных языков, профсоюзной работы, участия в соцсоревнованиях, общественно-культурной деятельности, членства в научных обществах, работы в студенческих кружках и руководства аспирантами. Также в анкете А. М. Никольский не указал ни одной своей публикации⁵. Из этой анкеты складывается образ «чистого» преподавателя, не интересующегося политикой, общественной деятельностью или научными исследованиями.

Возвращаясь ко времени работы А. М. Никольского в Минском педагогическом институте, можно упомянуть следующий факт. Филолог покинул институт в конце августа 1919 г. после захвата польскими войсками Минска, когда созданная незадолго до этого комиссия начала работу по проведению в УВО белорусизации. Вполне возможно, что эти два события были непосредственно связаны между собой. В этом случае можно предположить, что именно это событие – демонстративный уход из института в знак несогласия с политикой белорусизации – дало основание Б. Тарашкевичу в своей автобиографии назвать А. М. Никольского «черносотенцем».

Косвенно это предположение можно подтвердить документами обследования состояния белорусизации на рабочем факультете БГУ в конце 1930 г. Хотя А. М. Никольский не упоминается в контексте проявления великодержавного шовинизма (звучат имена преимущественно студентов рабочего факультета), в материалах обследования появляется следующая фраза: «Разам з гэтым адзначыць, што некаторыя выкладчыкі (Ціханаў, Нікольскі, Барышнікаў), а таксама і значная частка студэнтаў слаба ведаюць беларускую мову»⁶.

Выводы

Появлявшиеся в печати, публичных выступлениях и официальных документах на протяжении 1920-х гг. ярлыки «черносотенец», «великодержавный шовинист», «национал-демократ» и др. часто не отражали реальных взглядов тех людей, к которым они применялись, а служили средством политической борьбы в БССР. В анонимной записке, подписанной «Белорусы» и направленной в Президиум заседания в честь 20-летия газеты «Наша Доля» 14 сентября 1926 г., содержится следующий вопрос: «Як жа пагадзіць вашыя высокапарныя словы аб культурнай працы і аб беларусізацыі

з прыкладамі, што на справе ўсе шчырыя беларусы адхіляюцца ўрадам ад кіраўнічай працы, а прыцягваюцца да працы толькі тыя беларусы, якія ліжуць заднюю частку камуністам інакш кажучы, усе безпрынцыпныя, усе тыя, для якіх беларускасць з’яўляецца сродкам для пасады. У гэты ж час так званыя беларускі савецкі ўрад вельмі ахвотна прыцягвае да працы ўсё чорнасоценае расейскае і дае яму кіраўнічыя ролі?» Вслед за этим вопросом автор записки сравнивает действия правительства с действиями «польских черносотенцев» и заканчивает снова упоминанием о «русском черносотенце».

¹ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5852.

² Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5852. Л. 1.

³ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 32.

⁴ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5852. Л. 1.

⁵ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 456. Л. 32–33.

⁶ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5047. Л. 224.

⁷ Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 15п. Оп. 28. Д. 22. Л. 235.

тенстве»⁷. Так, под единую характеристику в этой записке подводятся все приезжающие работать в республику специалисты из России, в их число включены как люди, искренне стремящиеся влиться в культурную жизнь Беларуси, так и те, кто относится к идее белорусизации скептически (если не сказать больше).

В случае с рассмотренным отрывком из автобиографии Бронислава Тарашкевича можно констатировать тот факт, что оснований называть Е. Ф. Карского и А. М. Никольского черносотенца-

ми у него не было. Определение Б. Тарашкевичем Е. Ф. Карского как «черносотенца» прямо вытекает из господствовавших в то время в среде белорусских партийных и государственных деятелей взглядов на работу академика. Что касается преподавателя Минского учительского института А. М. Никольского, то, он, видимо, оказался добавлен в список «за компанию», для создания картины массового противостояния политике белорусизации такими «черносотенцами, как Карский, Никольский и Ко».

Библиографические ссылки

1. Бергман А. Слова пра Браніслава Тарашкевіча. Мінск : Мастацкая літаратура, 1996.
2. Ліс А. С. Браніслаў Тарашкевіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1966.
3. Валахановіч А. І., Міхнюк У. М. Сповідзь у надзеі застацца жывым: аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча. Мінск : БелНДІДАС, 1999.
4. Тумаш В. Яўхім Карскі: жыццё, навуковая спадчына, пагляды (1861–1931 гг.) // Выбраныя працы. Мінск, 2002. С. 139–237.
5. Булахов М. Г. Евфимий Федорович Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность. Минск : БГУ, 1981.
6. Цыхун А. П. Акадэмік з вёскі Лаша Я. Ф. Карскі. Краязнаўча-біяграфічны нарыс. Гродна : Гродзенскае абл. аддз-не Беларус. фонду культуры, 1992.
7. Кіпель Я. Эпізоды. Нью-Ёрк : Выдавецтва газеты «Беларус», 1998.
8. Робинсон М. А. «Рэакцыянеру Дурнава ня месца ў Акадэміі навук» і «Заявление профессора Н. Н. Дурново» // Slav. Litt. Suppl. 2012. № 2. С. 147–158.
9. Мушыньскі М. І. Літаратуразнаўства // Ін-т беларус. культуры : зб. арт. Мінск, 1993. С. 60–81.
10. Жытко А. П. У вытокаў заснавання Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта // Беларусь у пачатку XX ст.: да 100-годдзя БДПУ : зб. навук. арт. Мінск, 2014. С. 23–29.

References

1. Bergman A. [Word about Branislav Tarashkevich]. Minsk : Mastackaja litaratura, 1996 (in Belarus.).
2. Lis A. S. [Branislav Tarashkevich]. Minsk : Navuka i tjehnika, 1966 (in Belarus.).
3. Valahanovich A. I., Mihnjuk U. M. [Confession in the hope of remaining alive: B. Tarashkevich's autobiography]. Minsk : BelNDIDAS, 1999 (in Belarus.).
4. Tumash V. [Yefim Karskiy: life, scientific heritage, views (1861–1931)]. In: [Selected works]. Minsk, 2002. P. 139–237 (in Belarus.).
5. Bulahov M. G. [Yefim Fyodorovich Karskiy. Life, scientific and social activities]. Minsk : BSU, 1981 (in Russ.).
6. Cyhun A. P. [Academician from the village Lasha Y. F. Karskiy. Local history and biographical essay]. Grodna : Grodzenskoe ablasnoe addzjalenie Belaruskaga fondu kul'tury, 1992 (in Belarus.).
7. Kipel' Ja. [Episodes]. New York : Vydavectva gazety «Belarus», 1998 (in Belarus.).
8. Robinson M. A. [«There is no place in the Academy of Sciences to the reactionary Durnovo» and «Statement of professor N. N. Durnovo»]. Slav. Litt. Suppl. 2012. No. 2. P. 147–158 (in Russ.).
9. Mushynski M. I. [Literary criticism]. Inst. belarus. kul'tury : collect of pap. Minsk, 1993. P. 60–81 (in Belarus.).
10. Zhytko A. P. [At the root of the foundation of the Belarusian State Pedagogical University]. In: Belarus' u pachatku XX st.: da 100-goddzja BDPV : collect of pap. Minsk, 2014. P. 23–29 (in Belarus.).

Статья поступила в редколлегию 21.08.2017.
Received by editorial board 21.08.2017.